

АДРЕС ОПЫТА

Н. К. САФОНОВА,
доцент кафедры детской
литературы Челябинской государственной
академии культуры и искусств,
методист ЦДБ им. М.Горького г. Челябинска

Уважаемые друзья! Об увлекательной литературной игре, посвященной Х.К. Андерсену и рассчитанной на длительный срок (1,5–2 мес.), рассказывает сегодня Н.К. Сафонова.

«Читателям предлагались три вида заданий: "искалки", "рассуждалки", "сочинялки"», — пишет автор.

Дети были очарованы этой игрой, поскольку проводившие игру взрослые взяли за дело вдохновенно и горячо. Задания, которые предлагались школьникам, были интересны и «теплы». И дети ответили на это тепло — теплом своих душ. Вот, оказывается, как можно было бы ещё назвать андерсеновскую Дюймовочку: «и Настей, и Лизонькой, и Эльфиной, а Ксения Валиуллина предложила ей сразу четыре имени (и каких!): Прелесть, Цветочек, Зёрнышко, Дана (сокращённое от Дания)!»

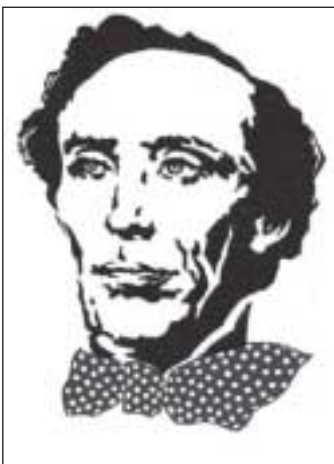
УЧЕНИК СКАЗОЧНИКА, или «настоящий креативный взрыв»

Решением ЮНЕСКО 2005-й год был объявлен годом Х.К. Андерсена — в ознаменование 200-летнего юбилея датского сказочника.

Но причина такого решения, конечно, не только в весомой округлости юбилейной даты. В этом решении — признание того великого вклада в духовно-нравственную копилку человеческой цивилизации, который внёс в неё сказочник из маленького датского городка Оденсе.

Особенно неопределимы заслуги Андерсена в формировании и продвижении в общество гуманистической концепции детства. Андерсен был одним из первых, кто увидел, что детство — это не только необходимый возрастной этап жизни человека, но это ещё и особое духовно-нравственное состояние, смысл которого имеет вневозрастное значение.

Андерсен с великой художественной силой и убедительностью показал всю красоту человека, «ребёнка сердцем и душой», его хрупкость и уязвимость перед катком социальной машины.

Страшно, когда в обществе не защищены здоровье и жизнь каждого ребёнка, — об этом писали и говорили в XIX веке многие поэты и писатели, но Андерсен пошёл дальше, он сумел показать, как опасно и страшно не защищён ребёнок духовно и как невозвратно можно исказить его «бессмертную душу», лишив её духовного пространства развития.

Многим обязан Андерсену и сам жанр литературной сказки. Андерсеновская поэтика, основанная на том, что «из действительности выраста-

ют самые чудесные сказки», породила целое направление в литературной сказке XX века — «сказки обыкновенной жизни», «сказки обыкновенного чуда», где «чудо», опять-таки, кроется в волшебстве детского видения мира, для которого одушевлено и равновелико в этом мире всё — и цветок, и жук, и пуговица, и оловянный солдатик.

В тот год все детские библиотеки России работали под знаком Андерсена: состоялись ан-

дерсеновские праздники, балы, театрализованные представления, конкурсы и ещё много яркого и интересного.

Мы, планируя работу навстречу Году Андерсена, думали, прежде всего, о том, чтобы юбилей великого сказочника стал для наших читателей подлинным праздником души. Мы стремились, чтобы движение читателей происходило не вокруг и около Андерсена, а внутри его художественного мира, чтобы ребята прочитали и перечитали сказки, собрали и осмыслили свои впечатления, попытались выразить их в той или иной форме.

Свой замысел мы реализовали в игровом буклете «Ученик сказочника» для читателей от 9 до 14 лет. В игре, рассчитанной на длительный срок (1,5—2 мес.), читателям предлагались три вида заданий: «искалки», «рассуждалки», «сочинялки».

«Искалки» предполагали отыскание в художественных текстах конкретных деталей и подробностей, связанных с бесконечно милой сердцу сказочника Данией.

Копенгаген. Набережная канала Ньюхаун

Например, отыскать сказку, в которой Андерсен рассказывает о гербе и флаге Дании; или найти и рассказать об интересных обычаях, праздниках, играх и забавах, сладостях, цветах и деревьях, встреченных читателями на страницах сказок и историй.

«Рассуждалки» ориентировали читателей на осмысление и собственную интерпретацию тех или иных коллизий сказок, образов и авторских художественных решений.

«Сочинялки» предоставляли читателям возможность реализовать те творческие импульсы, которые возникают в ходе связи с художественным текстом.

Мы понимали, что наша игра не будет иметь массовой аудитории — она требует кропотливой работы с текстом, духовной сосредоточенности, серьёзной работы мысли и чувства, т.е.

того самого «счастливого труда души», с которым мы связываем представление о творческом чтении. Традиция такого чтения на сегодняшний день в массе своей утрачена, в регистр массовых детских читательских удовольствий такое чтение уже не вписывается. Но тем активнее и изобретательнее должны мы стать в его культивировании в детско-подростковой среде, дабы чтение не превратилось в простое потребление информации, сопровождаемое весьма скромными реакциями интеллектуального «пищеварения». В этом смысле обращение к «штучному» читателю, держащему и притязающему на большее, поддержка и стимулирование его «голода души» представляется делом весьма своевременным и важным, так как в этом случае мы готовим естественных распространителей классической книжной культуры внутри детского сообщества.

Кроме того, задания игрового буклета создавались с расчётом на возможное участие взрослых — родителей, бабушек и дедушек, дабы создавались прецеденты счастливого духовного единения ребёнка и взрослого над книгой, обозначалась в сознании и тех, и других эта разновидность читательского удовольствия.

Итогом наших усилий стали 35 читательских работ в возрастном диапазоне от 8 до 16 лет. Работы были разного уровня и качества — на дисках, и дискетах, и в простых школьных тетрадках, но не было среди них ни одной «порожней» — каждый участник продемонстрировал великую способность напрячься духом (М. Цветаева писала в письме Ш. Вильдраку: «.. Мне не важно, сколько вы можете поднять, важно, сколько вы можете напрячься»).

Наши «ученики сказочника» легко справились с «искалками». И эта работа, побудившая ребят всё рассматривать подробно и близко, дала им возможность почувствовать Данию не как условное сказочное пространство, а как нечто живое и конкретное, с чем обнаруживались вдруг нотки родственной близости. Как тепло и нежно написала, например, о Дании девятиклассница Ксения Валиуллина — о её пейзажах, «похожих на наши русские: леса, пологие холмы, поля с полевыми скромными цветами». Она написала о любви датчан к велосипеду: «И это хорошо, так как выхлопы не портят замечательный морской воздух»; о резиденции датской королевы, которую охраняют «гвардейцы с высокими мохнатыми шапками». А третьеклассница Наташа Топорищева так образно описала флаг Дании: «Части этого флага, как будто острова, объединённые в одно государство, а белый крест на флаге — как вертушка мельницы, ведь

Дания сельская страна и там много мельниц». Восьмиклассница Юлиана Рябчунова нашла стихотворение Андерсена, посвящённое Дании, в котором он с великой нежностью и восторгом воспел свою родину. Замечательные результаты дала ещё одна «искалка», может быть, особенно потому, что была она «сочиняльно-искальной»: нужно было отыскать имя, которое получила Дюймовочка в царстве эльфов, поразмышлять, подходит ли оно ей; каким именем назвали бы героиню сами дети, какими бы одарили её свадебными подарками.

Давно замечено, что ситуации, связанные с побуждением — создай сам, придумай название, дай имя, — обладают мощной приватизационной энергетикой. В наречении именем есть нечто сакральное, что связывает накрепко узами родства и ответственности. Это явственно проявили ответы ребят. Имя Майя, полученное героиней от эльфов, в общем-то всем понравилось, как сказала одна из наших «учениц» — «имя весеннее, тёплое». Но всё же у многих появилось желание одарить Дюймовочку и своим именем, ещё более мягким и воздушным: её называли и Настей, и Лизонькой, и Эльфиной, а Ксения Валиуллина предложила ей сразу четыре имени (и каких!): Прелесть, Цветочек, Зёрнышко, Дана (сокращённое от Дания)!

А какими подарками осыпали Дюймовочку начинающие сказочники! Третьеклассница Соня Потапова подарила чудесный домик из перламутровой раковинки, второклассница Таня Клокова — тонкую ажурную паутинку на шаль или на гамачок, Наташа Топорищева заказала нашему Левше свадебные украшения для невесты, десятилетняя Настя Болотова подарила Дюймовочке «маленький волшебный хрусталик, через который можно увидеть всё самое интересное в мире», а девятилетний Паша Гудим, как истинный мужчина, не склонный только витать в облаках, позаботился о свадебном пире и подарил конфету (ведь для Дюймовочки каждая снежинка — как для нас лопата снега!). Уже здесь начинали ребята приобщаться к сладости «отдарения» — отдарения автору за чудо сказки своим вниманием, пониманием, сотворчеством.

«Рассуждалки» — более сложный уровень нашей игры, который требует проникновения в замысел автора, собственной смысловой интерпретации прочитанного. Рассуждать мы тоже начинали с Дюймовочки: ребятам предлагалось

дать свои суждения о том, почему героине всё время плохо, несмотря на то, что Жук был «очарован её красотой», Мышь «искренне полюбила её», Крот «сразу же влюбился в неё» и т.д.

Суждения читателей разноречивы. Кто-то счёл, что всё дело в разнице физической природы: «Дюймовочке было плохо, потому что она была больше похожа на эльфа или на человека»; «Дюймовочка была человеком, а остальные герои были животные и насекомые»; «Дюймовочка могла понять и полюбить лишь похожего на неё и внешним обликом и привычками...». Не все сразу

уловили, что речь идёт не о биологических, а, скорее, о психологических типах — о разных отношениях к жизни, о разном понимании счастья. Настоящую причину бед Дюймовочки Настя Болотова видит в том, что «на самом деле из этих героев никто Дюймовочку по-настоящему не любил», а Наташа Топорищева добавила: «Каждый думал только о себе, а не о ней». Ребята почувствовали, что это сказка, как и «Гадкий утёнок», тоже о попытке «переделать», а все «ученики» оказались едины в убеждении — переделывать нельзя! Например, восьмилетняя Таня Клокова на-

стаивает твёрдо — нельзя, «потому что каждый человек единственный и неповторимый»; её поддерживает третьеклассница Соня Потапова: «У каждого человека своя душа, свой характер, своя фантазия и мечты. Если они красивые и добрые, то переделывать их — значит уничтожить». Да, но если они нам не кажутся «красивыми и добрыми», тогда как? Это противоречие почувствовала шестиклассница Даша Телепаева и сказала так: «Даже если человек плохой, пусть останется самим собой и сам исправится», а самая взрослая из наших «учеников» 16-летняя Алёна Логинова сделала вывод: «Прежде чем изменять, надо принять таким, как есть, и тогда человек, может быть, сам захочет измениться». Если же мы всё-таки пойдём напролом в своём убеждении, что мы самые правые и всё понимаем лучше всех, то, как сказала Наташа Топорищева, «можем сломать человека, и он будет не радоваться жизни, а мучиться» (сколько тому в частной жизни и в истории человеческого общества страшных примеров!).

Ещё сложнее для юных «учеников сказочника» оказалась «рассуждалка» по сказке о Русалочке. Ребятам предлагалось подумать о том, почему Андерсен не сделал принцессу — невесту, а потом жену принца, злой, чванливой, ковар-

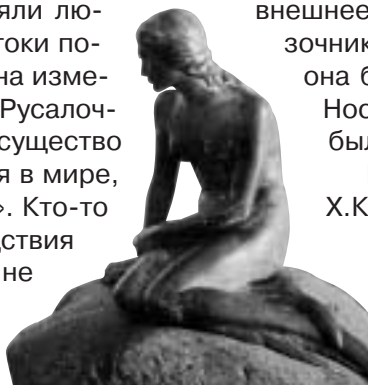
ной, как это было в других сказках на подобный сюжет.

Не все читатели приняли и поняли любовь Русалочки. Кое-кто увидел истоки постигшей героиню беды в том, что она изменила своему миру, своей природе: «Русалочка ведь не была человеком. Любое существо может быть счастливо только у себя в мире, на родине, там, где его создал Бог». Кто-то испугался за генетические последствия такой любви: «Хорошо, что принц не женился на Русалочке, а то неизвестно, кто бы у них родился...».

Неумудрённые опытом собственных чувств, ребята ещё не передают «обыкновенного чуда» любви, способного перевернуть и превозмочь всё — и тогда бесконечно далёкие становятся самыми близкими, а невозможное становится единственно правильным.

Кто-то увидел беду Русалочки в другом — «в людской измене» (именно её гневно обличала в своём стихотворении, посвящённом Русалочке, шестиклассница Надя Кувалдина). При этом ребята как будто не замечают прямых авторских указаний на то, что Принц с самого начала любил Русалочку «только как милое, доброе дитя, сделать же её своей женой и королевой ему и в голову не приходило...». А женился Принц на другой, и она была «...милой и прекрасной. Кожа на лице была такая нежная, прозрачная, из-за длинных тёмных ресниц улыбались тёмно-синие кроткие глаза...»; была бы она иной — холодной интриганкой, самовлюблённой гордячкой, наверное, нам, читателям, было бы легче! Но художественное чутьё подсказало читателям, что это было бы неправильно; как сказала Соня Потапова, — «тогда бы это была слишком простая сказка». Ребята почувствовали, что «плохая» невеста для Принца обесценила бы любовь самой Русалочки: «Андерсен правильно сделал, что принцесса добрая, а не злая. Потому что Принц заслуживает такую...»; «...было бы несправедливо, если бы Русалочка принесла свою жизнь в жертву Принцу, который полюбил злую и неприятную принцессу».

Юные читатели, может быть, впервые столкнулись с тем, что вот все хорошие, а конец так печален! Ребята начали трудное постижение горестных непреложностей жизни: «Не всё в жизни так, как хочется, к сожалению», — грустно замечает Ксения Валиуллина. На земле много хороших и красивых людей, «достойных счастья», но из этих многих каким-то непостижимым образом двое выбирают именно друг друга; Алёна Логинова написала об этом так: «В итоге остаются только два человека, истинно любящих друг друга. Из трёх один остаётся лишним, но должен ос-

Памятник Русалочке

таваться таким же бескорыстным, как Русалочка». Любовь Русалочки торжествует, несмотря на внешнее поражение, — уверены «ученики сказочника»; сделай Андерсен сказку проще, она бы, как сказала третьеклассница Юля Носикова, «была бы ещё грустнее и не была бы такой доброй...».

Пребывание в художественном мире Х.К. Андерсена стимулировало в наших «учениках» настоящий креативный взрыв! «Сочинялки» юных сказочников оказались достойным подарком великому мэтру сказки.

В игровом буклете предлагались «сочинялки» двоякого рода: визуальные и словесные. Ребята создавали новые цветные картинки для зонтика Оле Лукойе, новые вывески и флюгеры для своего города, творили удивительных цветобабочек («...когда цветам хочется полетать, они превращаются в бабочек», — написал сказочник в истории «Цветы маленькой Иды») и сочиняли свои сказки и истории, вдохновлённые великим учителем.

Эти сказки поражают не изощрениями сюжета, не фантастичностью образов, а глубиной мысли и чувства, достоинством, теплотой; они пленяют тем внутренним изяществом, которое всегда ощутимо в неординарной человеческой личности. В своих сказках юные сказочники пытались говорить о вещах важных и сложных. Например, в своей «Сказке о Свечке» Наташа Топорищева пыталась говорить о счастье человеческого общения, о забываемой нами сегодня радости смотреть друг другу в глаза, а не в телевизор, о щедром, самоотверженном сердце, готовом не пожалеть себя, чтобы напомнить людям об истинно прекрасном.

А Настя Болотова в «Истории старого пианино» сказала нам, что душа не вырастает в одно мгновение и надо быть терпеливыми, бережными и осторожными, чтобы в ней запели «божественные звуки».

Юлиана Рябчунова в сказке «О старом и новом доме» размышляет о том, что душа проверяется и горем и радостью, и где потребуется от неё больше душевной щедрости и высоты, порой сказать трудно... Читаешь эти детские сказки и веришь, что где-то там, в вечности, Андерсен улыбается нам; во всяком случае, он был бы доволен таким днём рождения!

Игра завершена, но все мы поняли, что это игра в «бесконечную книгу»! Ребята ощутили неисчерпаемую глубину художественного мира, в который они вошли и который ещё будут и будут открывать для себя. Бесконечное пространство открывали они и в себе.

Размышляя о ценности детства, они были и наивны, и мудры одновременно. «Именно в детстве происходит всё самое интересное», — сказала второклассница Лиза Бараш. В детстве «возможно всё и можно поверить во всё», — поддержала её Маша Пирожкова. Паша Гудим увидел силу детства в том защитном круге любви, которым окружён ребёнок: «Детям легче живётся, чем взрослым. Когда детям плохо, родители это чувствуют и приходят...». А главная сила детей, считают юные «ученики сказочника», в неотягощённости грехами: «Взрослые думают о том, что им выгодно, что принесёт пользу. И даже могут сказать для этого неправду», — печально замечает Соня Потапова. А помыслы детей чисты и искренни, ребёнок — «чистый мыслями», — замечает Наташа Топорищева. «В ребёнке от рождения, — написала Ксения Валиуллина, — заложено зерно бессмертной души». Но, чтобы оно развивалось, «обретало новые очертания», нужно непрестанно трудиться — **бессмертная душа создаётся трудом человека**. Наши «ученики сказочника» сделали на этом пути первые важные шаги, познав радость творчества и духовного напряжения. Они только начинают писать сказку своей жизни, и пусть она будет складной и благодарной!

МАКОВОЕ ЗЕРНЫШКО

Маковое зернышко,
Что росло весь год,
Девочке для скрипочки
В пору подойдет.
Струночки для скрипочки
Даст мне паучок,
Ну, а лучик солнышка
Будет ей смычок.
Заиграй, Дюймовочка,
На скрипочке моей,
Потому что с музыкой
В жизни веселей.

Кувалдина Надежда, 12 лет

А вот одна из сочиненных сказок.

ИСТОРИЯ ОДНОГО ПИАНИНО

Его вкатили в комнату двое раскрасневшихся грузчиков. Они поставили старое пианино у свободной стены. Но письменный стол, и старый книжный шкаф, и полки с игрушками с удовольствием потеснились. Они были рады новому знакомству. Настольная лампа, подмигнув, вежливо спросила: «А вы к нам откуда? Наверное, издалика? У вас такой усталый и потрёпанный вид!». Пианино молчало. Тускло поблёски-

вала крышка сквозь пыль, красовались трещины внизу.

Учебники на столе зашелестели страницами, заворчали: «Ну, вот. И так столько шуму в доме! А теперь, похоже, покоя, тишины мы не дождёмся!» — «Ах! — мечтательно произнесла кукла Барби, сидя на маленьком игрушечном стуле. — Если зазвучали бы сейчас звуки вальса, я бы пустилась непременно...» Но вбежавшая в комнату девочка, хозяйка комнаты, прервала эти реплики. Она радостно вскрикнула, засмеялась, быстро открыла крышку. Пианино будто бы покачнулось, ойкнуло... и издало какие-то резкие, «шлёпающие» звуки. Девочка пробовала играть! Барби, плюшевый Мишка и другие игрушки испуганно и удивлённо переглянулись: «Ну и музыка!» Но на их счастье девочку вскоре позвали ужинать, и на этом «музыкальное занятие» окончилось. Ночью, когда лунный свет ласково заглянул в комнату девочки, он увидел такую картину: девочка мирно спала, обнявшись со своим любимым игрушечным зайцем, куклы и книги оживлённо о чём-то шептались: «Как быть? Жалко, конечно, этого бедняжку, старенькое пианино!» А пианино стояло раскрытое и задумчивое. Перед ним пронеслась вся его стремительная и звучная жизнь и все его хозяева... Вот чопорный учитель музыки, упражнявшийся часами перед концертами. Тогда пианино было совсем юным, щеголеватым, стояло оно в другом доме, две девочки-сестренки снова начали с гамм, утомительных и нудных. Но прошло время, и божественные звуки стало издавать пианино, когда за него садилась какая-нибудь из сестер.

Старенькое пианино молчало... Скоро утро... Оно знало, что пройдет какое-то время, и его новая хозяйка научится извлекать божественные звуки из его деревянного сердца. Надо только проявить терпение и настойчивость, пролить немало слез — и все обязательно получится... Скоро утро!